

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Редактор серии *Екатерина Тёрина*
Оформление серии *Алексея Гаретова*
Консультант *Юлия Селиванова*

Белл, Вероника.

Б43 Дорога из стекла : роман / Вероника Белл. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-207112-6

Лучшую подругу старшекласницы Элизабет находят мертвой. Полиция сообщает, что девушка сама приняла яд, но друзья погибшей уверены в том, что это неправда. Молодым людям предстоит самим узнать истину и понять, кто совершил убийство. Но что делать, если расследованию мешают противоречивые, неподдающиеся контролю чувства между Элизабет и старшим братом погибшей, жестоким и эгоистичным Шоном? Как компании друзей раскрыть преступление без посторонней помощи? И что, если убийца среди них?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207112-6

© Белл В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

За окном идет дождь, маленькие капельки стучат по запотевшему стеклу и медленно стекают вниз...

Мне всегда нравилась такая погода: я любила сидеть на подоконнике с чашечкой кофе, наблюдая за тем, как колышутся листья, ветки прогибаются под силой ветра, а люди, скрывая свои лица за зонтами, непременно куда-то спешат. Создавалась особая атмосфера. В такие моменты время для меня останавливалось, я могла сидеть часами, погружаясь в мысли, которые, правда, исчезали так же быстро, как и появлялись, или просто слушать шум бушующей природы. Когда дождь заставлял меня на улице, я не спешила укрыться от него: поднимала голову к небу, всей грудью вдыхая аромат свежести, ловила языком водяные капли.

Она научила меня всему этому: радоваться солнцу, дождю, капелькам росы...

Сейчас все по-другому. Мне ненавистны этот дождь и пасмурная погода, это будто отражает мое внутреннее состояние, а чувство утраты становится почти осязаемым...

Ева, ты любишь дождь и именно поэтому...

Одинокая слеза пробегает по моей щеке.

Любила.

Ты слишком любила жизнь. Ничто не смогло бы тебя заставить добровольно уйти. Кого угодно, только не девочку, которая каждый вечер любит закатом, радуется пению птиц и обожает танцевать под дождем. Блеск в твоих глазах не угасал до самого последнего дня, Ева. Я ни за что не поверю, что ты убила себя.

Дрожащими руками я беру записку и перечитываю ее в двенадцатый раз.

«Я больше так не могу. Слишком тяжело. Прости, Лиззи...

Хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя, как родную сестру. Спасибо за все!

Ева».

У нас никогда не было секретов друг от друга. Почему ты не рассказала о том, что тебя мучает? Почему?! Что могло причинять тебе такую боль? В твоей жизни не было ни одного изъяна: доверительные отношения с родителями, настоящая дружба, взаимные чувства, отличные оценки, призвание. Даже если что-то шло не так, как нужно, ты очень редко расстраивалась, считала, что все к лучшему. Я помню.

На твое первое свидание мы вместе подбирали одежду и делали тебе макияж, наверное, часа два, но по пути к парку тебя с ног до головы облил грязью грузовик, а времени до назначенной встречи осталось всего ничего. Тогда ты зашла к своей бабушке, дом которой находился ближе всего, приняла душ, смыла макияж и надела простенькое платьице, которое нашла на своих старых полках. По твоим словам,

вечер не был испорчен, даже более того, он прошел бесподобно. Ты назвала этот день одним из самых счастливых в своей жизни...

Стук в дверь.

— Входи, — произношу я, не отводя взгляда от серого неба за окном.

Скрип дверцы, негромкие шаги, напряженная тишина.

— Ты голодная? Может, заказать еду? — слышу я бархатный, наигранно мягкий женский голос.

— Не хочу, — отвечаю я довольно грубо.

— Ты не ела уже несколько дней...

Я поворачиваю голову.

— Это для тебя удивительно?

Мама стоит чуть ближе дверного проема: невысокая женщина с прямыми темными волосами, правильными чертами лица, в хорошо выглаженном офисном костюме, выгодно подчеркивающим все достоинства фигуры. Я очень похожа на нее внешне: лицо в точности такое же, большие глаза, высокие скулы и пухловатые губы. Телосложение тоже одинаковое: узкие плечи, небольшая грудь, осиная талия и округлые бедра. Но, несмотря на это, мы совершенно разные люди, с разными характерами и системами ценностей. У нее всегда были на первом месте карьера, выгода, деньги. Она оправдывает это тем, что старается ради меня, хочет, чтобы в моей жизни все было, но никак не может понять, что «БМВ», айфон последней модели и путевки на острова никогда не заменят материнской любви и ласки.

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Вы с Евой десять лет дружили неразлейвода. Но нужно жить дальше.

В ее голосе появляется едва слышная неконтролируемая напористость. Командный тон, выработанный за годы общения с подчиненными. У мамы свой бизнес, который передал ей мой дедушка: нефтепромышленная компания. Нужно сказать, она успешно им управляет, но только ни на что другое ей времени не хватает. Она считанные разы появлялась на родительском собрании, не водила меня в парк, не помогала с уроками и не ходила со мной по магазинам. Вместо этого она нанимала специальных людей, няnek и стилистов, до тех пор пока я не стала достаточно самостоятельной, чтобы справляться самой.

И сейчас... она говорит мне шаблонные фразы, пытается проявить заботу, но не обнимает, не садится рядом, слушая шум дождя вместе со мной. А продолжает стоять чуть поодаль.

— Я должна поехать на две недели к новому месторождению для его исследования. Но останусь здесь.

— Не стоит, — говорю я. — Я в состоянии справиться сама.

— И все же я никуда не уеду, — уверенно отвечает она.

Я пожимаю плечами.

— Как хочешь.

Мне начинает надоедать этот бессмысленный диалог.

— Через час я должна быть возле центрального кладбища. Мне нужно одеться и привести себя в порядок.

Я пристально смотрю в глаза матери. Она тихо вздыхает, бросает на меня последний взгляд и выходит из комнаты.

Я тут же жалею об этом: как только я остаюсь одна, ноющая боль затмевает все другие чувства.

Ева, я не хочу верить в то, что больше никогда тебя не увижу. Мне кажется, что ты вот-вот позвонишь мне или войдешь в дверь и начнешь весело о чем-то рассказывать. Брендон подарил цветы... Хлоя смешно ответила сделавшему ей комплимент незнакомцу... мама приготовила вкусный шоколадный торт с ванильным кремом и черникой... зайду ли я к вам в гости?..

Я качаю головой, спрыгиваю с подоконника и иду в гардеробную. Беру вешалку с первым попавшимся черным платьем, черные полусапожки, медленно шагаю по направлению к ванной комнате.

Как жаль, что вода не может смыть боль.

Я не узнаю себя в зеркале. Болезненная бледность, опухшие глаза, растрепанные волосы. Но, что еще важнее, я ничего не хочу с этим делать. Зачем?

Вернулась в комнату уже полностью готовая к выходу: в черном расклешенном платье, с собранными в косу волосами, черным ободком и нехотя нанесенными на лицо румянами и тенями. Резким движением закрыла шторы, ограждая себя от неприятного зрелища, повернулась, осматривая комнату, пытаюсь найти ключи от машины. Я никогда их не теряла, всегда клала на место в сумку, но сегодня их там не нашла. Слишком невнимательна... рассеянна... Так нельзя. Скоро начнется учеба.

— Элизабет! — откуда-то доносится мамин голос. — За тобой приехал Шон.

Пulsь резко учащается, ногти впиваются в ладонь.

Шон Уайт... от звука его имени по коже пробегают мурашки.

— Какого черта, — произношу я вслух.

Ева познакомила меня со своим братом через какое-то время после того, как мы начали общаться: мне было семь, а ему десять. Сначала он отнесся ко мне равнодушно, но все изменилось в тот момент, когда я случайно испачкала тортом его рубашку. Так и началась наша вражда. Первое время он просто всем своим видом показывал свое превосходство и неприязнь ко мне: дразнил, забирал игрушки, обзывал. Но наша с Евой дружба была очень крепкая, ее противный брат не мог заставить меня проводить с ней меньше времени. Я очень часто приходила к ней домой, оставалась на ночевки. Ее родители хорошо ко мне относились, при них Шон немного затихал, ну или продолжал делать пакости, только исподтишка. Он очень любил Еву, но тем не менее даже ее просьбы остались не услышанными. Чуть повзрослев, Уайт стал применять другие методы: публично унижал, заставлял людей отворачиваться от меня. Он изменил меня: от доброй и мягкой девочки не осталось и следа. Я стала жесткой, научилась отвечать колкостями и задевать за живое, ведь только так я могла защититься. Когда Шон выпустился, я выдохнула с облегчением. Ему купили квартиру, он стал жить своей жизнью, и мы виделись намного реже. Случайные встречи все же были: иногда он здоровался со странной ухмылкой на лице либо говорил что-то обидное, а иногда не замечал вовсе.

Мы виделись на семейных праздниках: Новый год, дни рождения и все другие торжества я отмечала с семьей Евы. Последнее: день рождения Лессы, ее мамы. В тот день Шон сел рядом со мной, из-за чего я не могла расслабиться и наслаждаться праздником. За годы обще-

ния с Уайтом у меня выработался рефлекс: всегда быть начеку рядом с ним, всегда быть готовой к нападению. Нет, это не страх, но что-то подобное. Что-то, что способно вызвать адреналин и соответствующую ему реакцию тела. И Шон, уверена, не только прекрасно знал об этом, но и пользовался. Ему доставляло удовольствие наблюдать за моей реакцией на его слова или действия.

Я спускаюсь вниз, и возникает ощущение, будто каждый шаг приближает момент чего-то неизбежного.

Он стоит возле двери, в черной рубашке и брюках, волосы лежат в хаотичном беспорядке, вот только глаза... они холодные, пустые.

Он очень любил Еву. Теперь, когда я смотрю на него такого, мне жаль, что я ничем не могу помочь.

Шон поднимает на меня глаза, пробегает взглядом с головы до ног, отворачивается и идет к двери.

— Шевелись, Шелден, — бросает он.

— И тебе привет, — монотонно отвечаю я.

Он всегда называет меня по фамилии и никогда не разговаривает вежливо. Это стало аксиомой.

— Я говорила Лессе, что доеду сама.

— Мне плевать. Она сказала забрать тебя, что я и делаю.

У меня нет сил спорить с ним: я молча иду к черной иномарке и сажусь на переднее сиденье, бросив на него выразительный взгляд. Он не любит, когда я сижу впереди. Шон никак на это не реагирует, молча заводит мотор и давит на газ.

Уайт — самый ужасный водитель, которого я знаю. Он всегда превышает скорость, поворачивает на огромной скорости и резко тормозит, но сейчас едет на удивление медленно, соблюдая все правила.

Я смотрю на него краем глаза. Отстраненный взгляд, расслабленные руки. О чем-то задумавшись, он машинально переключает скорость, давит на газ. Я думала, что он не умеет чувствовать... но, оказывается, это не так. Любовь к сестре питала остатки его угасающей человечности. Что будет теперь?

Заметив боковым зрением мелькающий впереди силуэт, я резко поворачиваю голову. На дорогу прямо перед машиной выкатился мяч, а за ним бежит маленькая девочка...

— Шон, там ребенок! — в панике кричу я.

Он резко жмет по тормозам, девочка застывает на месте и испуганными глазами смотрит на нас. Ее тут же подхватывает на руки худощавая женщина, крепко прижимает дочь к груди и бормочет нам извинения, уходя с дороги.

Мое сердцебиение постепенно приходит в норму, я медленно разжимаю пальцы, крепко вцепившиеся в сумку.

Сзади гудят машины, но Шон не двигается и смотрит в пространство.

— Так. Давай лучше я поведу.

— Долбаная истеричка.

Я возмущенно скидываю брови.

— Значит, я виновата в том, что ты не смотришь на дорогу?! Ты не можешь справиться с эмоциями, но это не оправдывает того, что чертова иномарка чуть не сбила ребенка!

— Пошла вон отсюда.

Шон пристально смотрит на меня, так, будто хочет задушить прямо в эту секунду, и этот взгляд мне знаком. Он означает, что я попала в точку, задела за боль-

ное. Только удовольствия от этого никакого не получила.

Злость жаждет выплеснуться наружу: я хочу высказать ему все, что думаю, и выйти из этой машины, громко хлопнув дверью, но что-то мне не позволяет это сделать.

Он больно сжимает мое запястье и наклоняется к лицу.

— Я сказал, вы-ме-тай-ся.

Сердце с бешеной скоростью колотится о грудь, мною овладевает страх, но я не собираюсь уступать. Нельзя в таком состоянии вести машину. Пусть это звучит странно, но я действительно беспокоюсь за него. Как бы Уайт ко мне ни относился... он — один из самых близких людей Евы. Это ради нее.

— Хорошо, — произношу я.

Шон отпускает мою руку.

— А ты катись отсюда и не загорайвай людям дорогу, — добавляю.

Теперь он будет какое-то время стоять здесь, посреди проезжей части, потому что я сказала ему ехать. И не сразу заметит пропажу.

Я выхожу из машины и иду к остановке. Уайт смотрит мне вслед, даже не подозревая о том, что я забрала у него ключи. Я останавливаю первый попавшийся автобус и сажусь на свободное место.

Ключик в надежном кармане. До назначенного времени остался час — Шон успеет заплатить автовозу и приехать к нужному месту на такси. Да, он будет ненавидеть меня еще больше, возможно, отомстит, но зато не разобьется сегодня на машине.

Дождь уже прошел, но небо все еще серое. Я с грустью смотрю на мелькающие деревья и многоэтажки.

Я сделала все, что смогла, Ева. Знаю: ты терпеть не могла наши ссоры с Шоном. Ты все эти годы пыталась помирить нас и очень огорчалась, понимая, что совершенно бессильна. С чего зародилась эта вражда? За что десятилетний мальчик так невзлюбил маленькую подругу своей любимой сестренки и злонамеренно из года в год разрушал ее жизнь?.. Этот вопрос так и останется без ответа. Теперь это совсем неважно, ведь наши пути больше никогда не пересекутся.

Уже переполненный автобус останавливается, внутрь входит чуть сутулая пожилая женщина.

— Садитесь, — говорю я, уступая ей место.

На морщинистом лице появляется улыбка благодарности, добрые глаза старушки чуть заметно сужаются.

Через несколько остановок я выхожу на улицу. Духота общественного транспорта сменяется влажным свежим воздухом, дышать становится легче.

Напротив меня останавливается белый «Лексус», приоткрывается окно водительского сиденья.

— Запрыгивай, — знакомый голос, безукоризненно правильные черты лица и легкая измученная улыбка.

Брендон хочет заставить меня поверить в то, что он справляется, но я замечаю все: потухшие глаза не скроют никакие маски, и даже такая банальность, как плохо выглаженная рубашка, говорит мне о многом. Я знаю своего лучшего друга не хуже, чем себя саму.

Я сажусь на пассажирское сиденье, закрываю дверь и молча обнимаю его.

Когда нам с Евой было по четырнадцать, мы пошли на день рождения к Мие, девочке из группы поддерж-

ки. Всего на этом празднике было человек семь, отмечали мы его в загородном доме именинницы. После праздничного ужина — игра в бутылочку.

Мия крутит стрелку, все замирают в ожидании.

— Элиз! — воскликнула девушка, лучезарно улыбаясь, когда носик бутылочки указал на меня. — Ты должна поцеловать...

Именинница задумчиво оглядывает всех присутствующих. В этот момент открылась дверь в гостиную и вошел симпатичный парень спортивного телосложения с уверенным взглядом и красивой улыбкой.

— Брендона, — сказала Мия, кивая на вошедшего.

Я была немного растеряна: с другими ребятами мы уже познакомились и даже подружились, а этого парня я первый раз видела. Но почему бы и нет? Всем было очень интересно посмотреть на реакцию незнакомца, я тоже находила это забавным. Какая-то другая девочка, возможно, смутилась бы и отказалась от задания, но я никогда не относилась к числу робких. Я уверенным шагом подошла к парню и быстро чмокнула его в губы, после чего незамедлительно посыпались аплодисменты. Сам Брендон вскинул брови и с удивленной улыбкой произнес:

— Ого, об этой части программы Мия мне не рассказывала.

Я пожалала плечами, слегка улыбнулась.

— Мне тоже. Еще минуту назад я думала, что только под действием алкоголя девушка может поцеловать парня, еще не успев познакомиться с ним.

Брендон рассмеялся.

Вместо ожидаемой неловкости и смущения мы совершенно беззаботно болтали — с первых минут зна-

комства этот парень полностью расположил меня к себе.

Так произошла наша первая встреча с Брендонном. С этого момента мы стали хорошо общаться, а через какое-то время гулять в одной компании. Помимо нас и Евы в нее входили еще несколько ребят: Хлоя Тейлор, новенькая, с которой мы подружились и избавили от необоснованных издевательств одноклассников, Эван Гилмор — ее парень, по совместительству компьютерный гений, и Макс Оулдман, футболист, с которым через год я начала встречаться.

С тех пор прошло три года, но мы общаемся с теми же людьми. Недавно Ева и Брендон поняли, что небезразличны друг другу, пройдя определенные стадии в отношениях. В тот день, когда Еву обнаружили мертвой, лежащей среди разбросанных пустых капсул со снотворным, должно было состояться их первое официальное свидание... Нельзя передать словами, как сильно она этого ждала.

Неужели ты притворялась, Ева? Нет: я ведь знаю, что ты не умеешь лгать.

— Лиз? — Брендон чуть отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза. — У нее ведь не было причин. Ни одной.

Я больно кусаю губу, останавливая подступающие к глазам слезы.

— Ни одной... — повторяю я.

Его челюсть напрягается, губы приоткрываются в безмолвной речи, затем он резко отворачивается, вцепляется пальцами в руль и давит на газ.

Нам всем хочется многое рассказать, только не друг другу, а тебе, Ева. И возможно, ты сейчас наблюдаешь за нами сверху и печально улыбаешься...

В траурном зале собралось очень много людей, все, кто знал Еву, любил ее и уважал: родственники, друзья, знакомые, те люди, которым когда-либо доводилось видеть этот горящий взгляд.

Теперь эти глаза пустые и безжизненные. Кожа бледная, на щеках уже не блестит нежный румянец.

Чем дольше я смотрю на это фарфоровое лицо, тем сильнее меня охватывает ужас...

Этого не может быть. Ты не умерла, я не верю! Тебе всего семнадцать, у тебя впереди вся жизнь! Ты просто не имеешь права бросать меня здесь одну!

— Знаешь, что происходит с человеком после смерти? — когда-то спросила у меня Ева, будучи маленькой мечтательницей с вьющимися светлыми локонами.

— Его душа улетает на небо и обретает покой, — ответила я.

— А может, души живут на солнце? Их счастье настолько яркое, что человеческий взгляд его не выдерживает, а тело не может прикоснуться. Это рай! И, наверное, он похож на бесконечный сад, в котором растут шоколадные деревья...

Среди множества присутствующих я вижу Шона: он приходит чуть позже основной массы, отстраненно смотрит на тело сестры, ни один мускул не дрогнет на его лице. Он поднимает глаза и дарит мне убийственный взгляд, предупреждение о предстоящей мести. Но нас больше ничего не объединяет, вероятно, мы больше и не увидимся. Ведь теперь мы друг другу никто.

«А мне кажется, что когда-нибудь вы подружитесь», — так ты любила говорить, Ева. Это единственное, в чем ты ошиблась.

Пожалуйста! Пусть это окажется сном, жутким и очень реалистичным. Пусть я проснусь от твоего звонкого голоса: ведь вчера я осталась у тебя ночевать, мы долго-долго разговаривали и уснули в два часа ночи, а утром ты, как обычно, встала первая и теперь пытаешься разбудить меня, чтобы мы не опоздали на алгебру...

«Ты веришь, что после смерти душа может остаться на Земле, чтобы наблюдать за своими близкими и помогать им?»

До боли знакомый детский голос из прошлого...

Верю. И я буду тебе обо всем рассказывать, делиться переживаниями, как и прежде, хоть теперь и не смогу услышать твои ответы. А может, смогу... я ведь всегда понимала тебя без слов.

Мне становится легче.

Ты не исчезла из моей жизни. Ты всегда будешь рядом.

Я чувствую чью-то ладонь на своем плече. Всхлипы и тяжелое дыхание. Хлоя.

— Какие же мы подруги, — шепчет она, — если не видели, что с ней происходит.

Мне тоже не раз приходило это в голову. Но слышать такие слова от кого-то другого очень неприятно.

— Не говори глупостей, Ло, — хриплым голосом произношу я.

Девушка резким движением руки убирает с лица светлые локоны и размазывает по щекам слезы вместе с тушью.